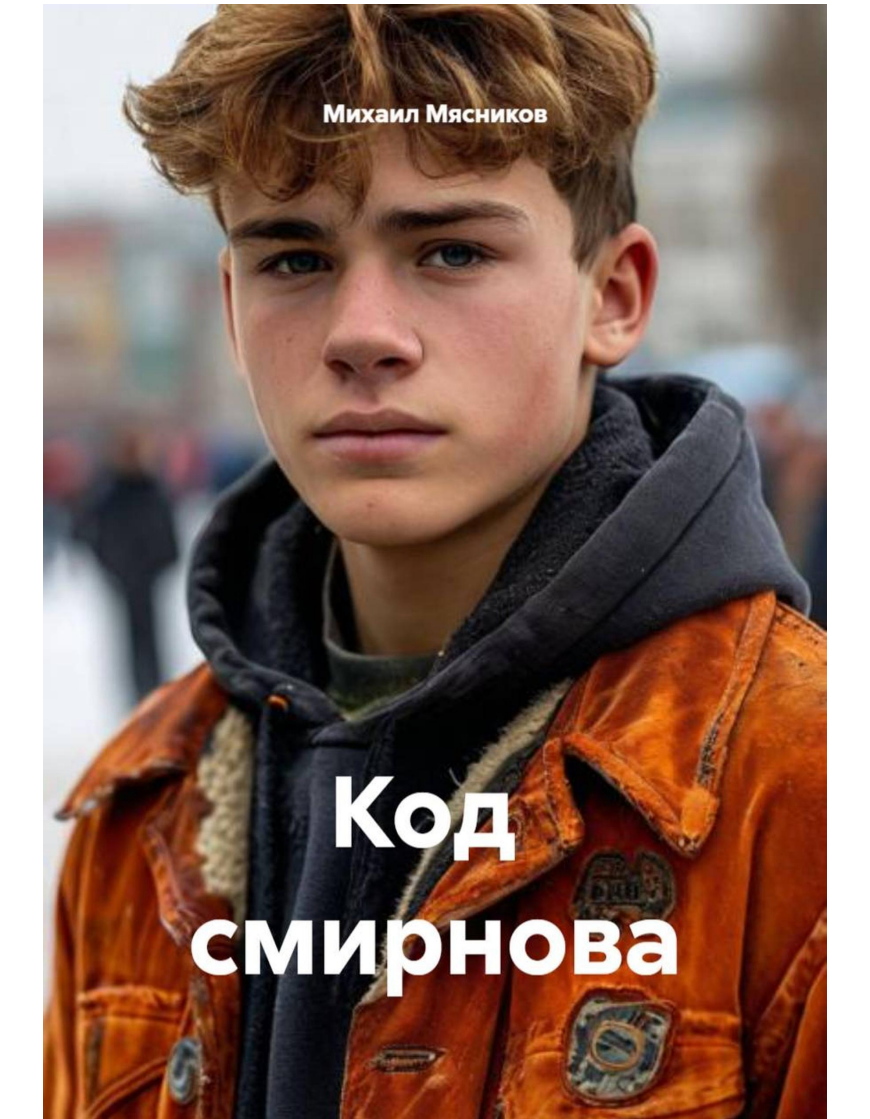

A close-up portrait of a young man with light brown, wavy hair and blue eyes. He is looking directly at the camera with a neutral expression. He is wearing a dark grey hooded sweatshirt under a worn, orange-brown leather jacket. The jacket has several patches, including a circular one on the left chest and a rectangular one on the right. The background is blurred, showing an outdoor setting with other people.

Михаил Мясников

Код
смирнова

Михаил Мясников

Код Смирнова

<https://litres.ru/73979906>

SelfPub; 2026

Аннотация

В центре сюжета — история Олега Смирнова, талантливого подростка из небольшого города на Волге, который благодаря уму, воле и любви к спорту и науке становится сильнее любых жизненных испытаний. Перейдя в элитную школу «Астория», он сталкивается с высокомерием, интригами и несправедливостью мира «золотой молодёжи», но не сдаётся. Через победы в олимпиадах, шахматных турнирах, на футбольном поле и хоккейной коробке Олег доказывает: истинная сила — в характере, честности и умении мыслить на шаг вперёд. Его путь — это не только борьба за признание, но и поиск своего места в мире, где деньги и связи часто решают всё. Преодолев предательство, травлю и даже опасность, Олег возвращается домой другим человеком — закалённым, уверенным и готовым менять правила игры.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Мясников

Код Смирнова

Глава 1

В небольшом, но очень уютном городке Краснодарского края жил мальчик по имени Олег Смирнов. Его дом стоял в ряду таких же пятиэтажек, серых и надёжных, как старый друг. Во дворе, где прошло всё его детство, шумели высокие тополя, а по вечерам, когда зажигались фонари, мальчишки гоняли мяч до тех пор, пока мяч не превращался в едва различимое пятно в сумерках. Олег ничем не выделялся внешне: обычный паренёк с внимательным взглядом и чуть расчёсанными русыми волосами, которые падали на лоб, когда он наклонялся над тетрадью. Но за этой простотой и внешней скромностью скрывался острый ум и невероятная, стальная воля.

С первого класса он удивлял учителей. Математика давалась ему так легко, будто он видел мир не глазами, а через призму формул и строгих закономерностей. Для него не существовало абстрактных чисел — за каждой цифрой стояла живая история.

— Олег, как ты так быстро решаешь? — спрашивала его учительница математики, Анна Петровна. Она была уже

немолода, но глаза её всегда светились любопытством. Она подходила к его парте и заглядывала в тетрадь, где решение занимало ровно три строки там, где другие исписывали поллиста.

— Просто я вижу, как всё связано, — отвечал он, пожимая плечами. В его голосе не было ни хвастовства, ни высокомерия — только констатация факта.

Русский язык, история, физика — всё давалось Олегу играючи. Он был победителем городских, областных и даже всероссийских олимпиад. В его комнате на полке теснились грамоты и кубки, а в шкафу на плечиках аккуратно висели медали. Но Олег не был «ботаником» в том обидном смысле, который вкладывают в это слово. Он не носил очки в толстой оправе и не сутулился над книгами сутками напролёт.

После уроков он спешил на стадион. Футбол и хоккей были его настоящей страстью. На льду или на пыльном школьном поле он забывал обо всём: о формулах, о домашних заданиях, о будущем. Здесь был только мяч (или шайба), ветер в лицо и азарт игры.

— Смирнов! Пасуй! — кричал ему друг Сашка, размахивая руками и пытаясь вырваться из-под опеки защитника. Его лицо покраснелось от бега.

— Держи! — спокойно отвечал Олег. Он не делал лишних движений. Его пас был выверенным до сантиметра: мяч летел точно в ноги товарищу, срезая угол атаки соперника.

Он чувствовал команду спинным мозгом, предвидел ходы

соперника на два шага вперёд и всегда боролся до последней секунды матча, даже если счёт был разгромным.

А ещё у Олега была особенная любовь — шахматы. Для него это была не просто игра. Шахматная доска существовала не на столе в клубе или дома, а в его воображении — трёхмерная, живая структура. Он мог играть вслепую с отцом или тренером, держа в голове десятки комбинаций одновременно. Для Олега это было сродни медитации: чистое мышление без отвлекающих факторов.

Вечером он сидел за своим письменным столом у окна. За стеклом шумел дождь или падал снег, а внутри его головы разворачивались целые баталии. Он смотрел на доску перед собой, но видел её иначе: фигуры были не деревянными или пластиковыми — они были потоками энергии, а клетки — не чёрно-белыми квадратами, а порталами возможностей. Он видел партию целиком: от первого хода пешки до неизбежного мата.

Олег стоял перед огромными коваными воротами школы «Астория», чувствуя, как сердце отбивает частый, тревожный ритм. В его старом городке школа была просто зданием из красного кирпича, приземистым и знакомым, а здесь — настоящий дворец, парящий над землей. Идеально подстриженные изумрудные газоны, по которым, казалось, страшно было ступить, стеклянные корпуса, сверкающие на солнце, и бассейн с бирюзовой водой, от которой поднимался легкий пар, создавая иллюзию вечного лета. У входа, словно статуи,

застыли два охранника в строгой черной форме. Это место напоминало закрытый элитный клуб, а не учебное заведение.

Переступив порог, Олег сразу ощутил на себе десятки оценивающих взглядов. Воздух в холле был пропитан дорогим парфюмом — сложным, многослойным ароматом, смешанным с запахом свежесваренного кофе из автомата и едва уловимой ноткой озона от начищенных полов. Голоса учеников звучали негромко, но уверенно, с ленцой. Его новые одноклассники выглядели так, будто сошли со страниц глянцевого журнала: девочки в дизайнерских платьях, небрежно накинутых поверх водолазок, мальчики в брендовых кроссовках, стоимость которых превышала месячную зарплату его мамы. Они обсуждали последние модели телефонов и предстоящий отдых на Мальдивах так буднично, словно речь шла о походе в ближайший супермаркет.

— Смотрите-ка, пополнение! — раздался насмешливый голос, звонкий и самоуверенный.

К Олегу вальяжной походкой подошел высокий парень с модной, нарочито небрежной прической. Его звали Кирилл, и он был кем-то вроде неформального лидера класса. Он окинул Олега взглядом с головы до ног, задержавшись на простой серой толстовке и потертых джинсах.

— Это что, новая форма для бедных? — протянул Кирилл, скривив губы в ухмылке. — Или ты на распродаже оделся? В «Садовое» отоварился?

По холлу прокатились смешки — негромкие, но отчетливые. Олег почувствовал, как щеки заливает жаркий румянец. Он сжал лямку рюкзака так, что побелели костяшки пальцев, но заставил себя поднять голову и посмотреть прямо в глаза обидчику. Взгляд Кирилла был пустым и холодным.

— Это просто одежда, — спокойно ответил Олег. Голос предательски дрогнул на слове «просто», но он не опустил глаз.

— Просто одежда? — картинно удивился Кирилл, театрально всплеснув руками и оборачиваясь к своим друзьям за поддержкой. — У нас тут дзен-буддист? Или ты из тех, кто верит, что встречаются по уму? А провожают по кошельку?

Олег промолчал. Он привык решать задачи и забивать голы, где всё было честно: есть правила и есть результат. Но словесные дуэли были для него чужой стихией. Он просто прошел мимо, чувствуя спиной презрительные взгляды и физически ощущая эту невидимую стену отчуждения.

Учебный процесс только усугубил ситуацию. На уроке математики учитель вызвал его к доске решить сложную задачу из сборника для поступающих в МГУ. Олег справился за минуту. Он не просто написал ответ — он объяснил решение так четко и логично, выстраивая цепочку умозаключений с математической грацией хирурга, что в классе повисла тишина.

— Блестяще, Олег! — похвалила учительница Елена Викторовна. В ее голосе звучало искреннее восхищение. — Про-

сто виртуозно! У тебя математическая интуиция от бога!

Когда он сел на место, сосед по парте — пухлый мальчишка с дорогими часами — демонстративно отодвинулся подальше вместе со стулом, словно боясь заразиться «интеллектом» или испачкаться о его простоту.

— Подумаешь, гений нашелся, — прошипел кто-то сзади, достаточно громко, чтобы Олег услышал. — Ботаник из Мухосранска.

Травля началась с мелочей, но была унижительной в своей повседневности и методичности. В раздевалке перед физкультурой Олег обнаружил, что его новые кроссовки исчезли из шкафчика. Поискав под скамейками и в углах, он нашел их в самом дальнем углу — грязные, мокрые и со следами чьей-то подошвы на белой подошве. А рядом стояла пара старых, дырявых ботинок не по размеру.

— Эй, Смирнов! — крикнул Дмитрий Волков, сын известного банкира и главный соперник Олега на спортивной площадке. Он стоял в окружении своей свиты и жевал жвачку с видом хозяина жизни. — Ты что, в этих лаптях собрался? Не позорь команду! Или ты теперь деревенская футбольная звезда? Может, тебе еще валенки принести?

Смех был громким и обидным — раскатистым эхом отлетая от кафельных стен раздевалки. Олег молча переобулся в свои грязные кроссовки. Ноги промокли насквозь еще до выхода на поле.

В столовой его ждала новая «случайность». Он нес под-

нос с обедом к единственному свободному столику в углу у окна, когда кто-то резко и сильно толкнул его плечом сбоку. Апельсиновый сок из стакана выплеснулся прямо на белую рубашку, оставляя на груди огромное оранжевое пятно.

— Ой-ой, прости-прости! — затараторила девочка из параллельного класса, та самая Лиза Воронцова, что вчера хваталась новым айфоном последней модели. Она даже не попыталась отстраниться или помочь удержать поднос. Её глаза при этом смеялись — холодно и расчетливо. — Я такая неловкая! Ты не обожгся?

Олег посмотрел на неё долгим взглядом — от фальшиво-озабоченного лица до пятна на его рубашке и обратно.

— Всё нормально, — процедил он сквозь зубы так тихо, что услышала только она. В его голосе звенела сталь.

Он аккуратно поставил поднос на столик и пошел искать салфетку или уборную, стараясь держать спину прямо.

Но самым болезненным было одиночество. Оно было липким и холодным. Его тетради с идеально решенными задачами по физике начали пропадать из портфеля прямо во время уроков по физкультуре. Он находил их позже — смятые в комки или испачканные чем-то липким — в мусорной корзине в туалете для мальчиков на третьем этаже. А когда учитель просил кого-то сесть с ним за парту для выполнения лабораторной работы по химии или биологии, в классе воцарялась гробовая тишина. Никто не хотел иметь ничего общего с «выскочкой из провинции». Слово «провинция» здесь

произносили как ругательство.

Олег возвращался домой один через парк элитного района уже затемно. Он шел по идеально чистым улицам мимо дорогих машин у подъездов и высоких глухих заборов частных домов, за которыми лаяли сторожевые псы. Ему казалось, что невидимая стена из высокомерия и денег отделяет его от всего этого мира золотой молодёжи навсегда.

Олег терпел. Он привык к трудностям на льду, где синяки и ссадины были частью игры, а здесь, в «Астории», раны были невидимыми, но болели не меньше. Они саднили глубоко внутри, отзываясь глухой болью каждый раз, когда кто-то демонстративно отодвигал стул или бросал смятый лист с решением задачи в урну. Он продолжал учиться, тренироваться и играть в шахматы — теперь уже только в уме, выстраивая комбинации на воображаемой доске. Это был его способ медитации, способ выстроить порядок в хаосе чужого мира и отвлечься от звенящего одиночества в огромном, чужом доме.

Переломный момент наступил во время школьного турнира по шахматам. Директор школы, господин Воронцов, человек с идеально уложенными седыми волосами и холодным, оценивающим взглядом, желая лишний раз подчеркнуть престиж «Астории», организовал соревнования с крупным призовым фондом и обязательным освещением в школьной газете. Олег записался в последний момент, просто поставив галочку в электронном списке. Ему никто не

верил.

В списке участников его фамилия затерялась где-то внизу, среди «прочих», но игра Олега была настолько безупречна, что он прошёл все этапы, словно нож сквозь масло. Он не тратил время на эффектные жесты или долгие раздумья. Он просто видел партию целиком, от первого хода до неизбежного финала, как математическую теорему.

И вот финал. Зрительный зал актового зала, обычно полупустой и гулкий, был забит до отказа. Ученики сидели на подоконниках, стояли в проходах, толпились у дверей. Все пришли увидеть триумф Дмитрия Волкова — самоуверенного парня с модельной стрижкой и папой-банкиром. Дмитрий был фаворитом не только по праву сильного игрока, но и по праву рождения. Он играл агрессивно, эффектно, любил жертвовать фигуры ради красивой атаки и всегда комментировал свои ходы вслух, обращаясь к публике.

— Ну что, Смирнов, готов к поражению? — ухмыльнулся он перед началом партии, даже не глядя на Олега. Его голос был громким и насмешливым, он явно играл на публику. — Или ты опять будешь пялиться в стену? Может, тебе принести подушку?

По залу прокатился смех — громкий, уверенный смех «своих». Олег лишь молча сел за стол. Он не смотрел на доску. Он не смотрел на Дмитрия. Он закрыл глаза и погрузился в свой мир. Для него это была привычная стихия, тихая гавань посреди бушующего океана насмешек.

Он видел не деревянные фигуры на 64 клетках — он видел потоки энергии. Не клетки — а возможности. Он видел ходы соперника наперёд на десять шагов вперёд, чувствовал слабости его позиции так же ясно и физически ощутимо, как чувствовал ветер перед дождем или смену давления перед снегопадом.

Его пальцы едва касались фигур. Ход пешкой... Ещё одна... Защита... Контроль центра... Атака на фланге... Каждый ход был выверен до миллиметра.

Двадцать минут. Ровно двадцать минут абсолютной тишины висело в зале. Она нарушалась лишь мягким стуком дерева о дерево и едва слышным дыханием зрителей, которые перестали смеяться и подались вперёд, чувствуя: происходит что-то важное.

Партия была окончена.

— Мат! — объявил судья.

Слово прозвучало как выстрел в абсолютной тишине. Зал замер. Казалось, даже воздух сгустился и перестал двигаться. На доске стояла изящная, безжалостная комбинация — шедевр логики и предвидения. Дмитрий Волков сидел неподвижно и смотрел на неё так, будто видел впервые в жизни. Его лицо медленно заливалось багровой краской злости и унижения.

Олег открыл глаза. Он посмотрел на Дмитрия без злорадства или торжества победителя. В его взгляде была лишь лёгкая усталость человека, выполнившего сложную работу или

решившего длинное уравнение.

В этот момент что-то изменилось в воздухе. Смешки стихли окончательно. Уважение — холодное, колючее и недоверчивое — начало прорастать там, где раньше была лишь пустота и презрение.

С этого дня отношение к Олегу начало меняться. Перемены не были резкими, как вспышка молнии, а скорее напоминали таяние весеннего льда на Волге: медленно, с глухим, едва слышным хрустом и треском, но неотвратимо. Победы в олимпиадах и та молниеносная, элегантная партия в шахматы заставили «элиту» признать его силу. Это была не та грубая, показная сила, которой кичились на футбольном поле, и не финансовая мощь, о которой с придыханием говорили их отцы за ужином. Это была иная сила — сила интеллекта, спокойная, несокрушимая и пугающая в своей безупречности.

Сначала к нему стали подходить робко, с опаской, словно проверяя, не укусит ли дикий зверь, вдруг оказавшийся ручным.

— Слушай, Смирнов... — раздался однажды неуверенный голос за его спиной в библиотеке.

Олег оторвался от книги по высшей математике. В библиотеке царила тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц. Перед ним стояла Лиза, та самая девочка с модной стрижкой, что пролила на него апельсиновый сок. В её руках была помятая тетрадь, а в глазах — не привычная насмеш-

ка, а искреннее, почти детское смущение. Она теребила край своей дизайнерской блузки.

— ...а ты можешь помочь мне с этой задачей? Я просто совсем запуталась в производных. Учительница сказала, что я безнадёжна.

Олег посмотрел на неё долгим взглядом. Он видел перед собой не избалованную дочку богатых родителей, а просто растерянного человека. Он помнил её смех в столовой, но обида уже не жгла так сильно.

— Без проблем, — улыбнулся Олег. Это была не дежурная улыбка, а искренняя, открытая. Он пододвинул к ней свободный стул. — Садись. Смотри, здесь всё просто, если представить график функции... это как траектория шайбы. Видишь изгиб? Здесь производная равна нулю.

Постепенно такие просьбы стали нормой. К нему подходили в коридорах и столовой. Его перестали обходить стороной.

— Олег, ты гений! — восторженно воскликнул Кирилл. Тот самый парень с модной причёской «преппи», который первым начал его задирать. Теперь он сидел на широком подоконнике рядом с Олегом и с азартом смотрел на решённое уравнение в его тетради. В его голосе больше не было яда, только чистое восхищение. — Как ты это видишь? Это же какая-то магия! У меня мозг кипит!

Олег пожал плечами, закрывая ручку колпачком.

— Это не магия, это логика, — спокойно отвечал он. Его

голос был ровным и уверенным. — Просто нужно видеть структуру. Как в футболе: ты же видишь не только своего игрока, но и пустые зоны.

— Слушай... — Кирилл на секунду замялся, подбирая слова. — Мы тут с пацанами в футбол собираемся после уроков. Не хочешь сыграть? По-настоящему? У нас левый защитник травмировался.

Приглашения играть в футбол тоже перестали быть издевательством или способом унижить. Теперь его звали в команду всерьёз. На поле он был не изгоем, а мозговым центром атаки, стратегом, который видел всё поле на 360 градусов и отдавал точные, выверенные пасы вразрез обороны соперника.

Олег Смирнов так и остался простым мальчиком из маленького городка на Волге. Он не стал носить дорогую одежду или хвастаться связями отца, потому что у него их не было. Но теперь он знал одну простую истину: настоящий талант не зависит от толщины кошелька родителей или марки кроссовок. И даже в холодном мире золотой молодёжи можно остаться человеком с большой буквы «Ч», если у тебя есть характер и ум.

Он научился главному: быть сильным не только в спорте или науке, но и в душе. Он научился прощать, не опускаясь до уровня своих обидчиков, и помогать тем, кто когда-то причинял ему боль. Он понял, что одиночество — это не приговор, а возможность стать лучше, закалиться, чтобы

потом найти настоящих друзей.

И теперь, глядя на огни ночной Волги из окна своей комнаты в «Астории», он больше не чувствовал себя чужим или самозванцем. Он был дома.

Дмитрий Волков не умел проигрывать. Особенно так — публично, быстро, унижительно. Поражение в шахматах от какого-то Смирнова стало для него личным оскорблением. В его мире всё решали деньги и связи, а тут какой-то провинциал, приехавший по гранту, одним ходом разрушил его репутацию «непобедимого».

Дмитрий не собирался мстить грубо. Кулаки — это для быдла. Его оружие — интеллект, помноженный на злобу, и, конечно, деньги. Он начал действовать хитро, исподтишка, чтобы никто не смог доказать его причастность.

Первым делом он решил ударить по самому дорогому для Олега — по **шахматам**. На городском турнире, куда Олега пригласили как фаворита, кто-то незаметно подменил его привычные часы на неисправные. В решающий момент, когда до победы оставался один шаг, механизм заело. Олег проиграл по времени, хотя позиция на доске была выигрышной. Он стоял, не веря своим глазам, а в толпе мелькнула ехидная улыбка Волкова.

Затем последовала атака на **репутацию**. Дмитрий пустил слух, что Олег списывает на олимпиадах. Он анонимно отправил скриншоты (подделанные в фоторедакторе) «решений» Олега учителю математики. Началось разбирательство.

Олега вызвали к директору. Он держался спокойно, отвечал на каверзные вопросы, и его честное имя удалось отстоять, но осадок остался. Учителя стали смотреть на него с подозрением.

Но самый болезненный удар Дмитрий приберег напоследок. Он узнал, что Олег мечтает попасть в сборную города по **хоккею**. Это была его отдушина, место, где он чувствовал себя частью команды.

Перед важной игрой с принципиальным соперником кто-то проколол шины на стареньком автобусе команды. Тренер был в ярости и обвинил во всём «того новичка», намекая на Олега, который последним заходил в раздевалку. Парней из команды заставили ехать на такси, они опоздали к началу матча и проиграли с разгромным счётом.

Олег был раздавлен. Он чувствовал себя в ловушке. В школе его считали выскочкой, в спорте — виновником провала, а в учёбе — чуть ли не мошенником. Он замкнулся в себе. Даже игра в шахматы вслепую перестала приносить радость — в голове теперь постоянно всплывали образы ухмыляющегося Волкова.

Однажды вечером Олег задержался в библиотеке. Нужно было готовиться к важной контрольной, а дома мешал шум ремонта. Библиотекарь ушла раньше, оставив его одного.

В тишине зала скрипнула дверь. Олег поднял голову. На пороге стоял Дмитрий Волков. В руке он держал стаканчик с горячим кофе.

— Привет, Смирнов, — голос Дмитрия звучал почти дружелюбно. — Слышал, тебе тяжело приходится. Держи, согрейся.

Олег настороженно молчал.

— Я пришёл поговорить, — продолжил Дмитрий, делая шаг вперёд и ставя кофе на стол рядом с учебниками Олега. — Ты талантливый парень. Реально талантливый. Но ты здесь чужой. Ты не понимаешь правил игры.

— Я понимаю правила честности, — тихо ответил Олег.

Дмитрий усмехнулся и наклонился к самому уху Олега:— Честность? В этом мире? Послушай... Я могу сделать твою жизнь здесь невыносимой. Я могу сделать так, что тебя отчислят по надуманной причине уже через неделю. Грант аннулируют. Ты вернёшься в свой Мухосранск с клеймом неудачника.

Олег сжал кулаки так, что побелели костяшки.— Или?..
— выдохнул он.

— Или мы заключим сделку, — улыбка Волкова стала шире. — Ты проиграешь мне завтра в блиц-турнире. Унижительно проиграешь. Сделаешь пару детских ошибок. И тогда... я остановлю всё это. Слухи прекратятся. Автобус починят за счёт школы. Тебя оставят в покое.

Дмитрий выпрямился и посмотрел на Олега сверху вниз: — Подумай до утра, гений. Иногда лучше быть вторым по своей воле, чем первым по чужой указке.

Он развернулся и ушёл, оставив Олега наедине с остыва-

ющим кофе и тяжёлым выбором. Завтрашний день обещал стать самым сложным шахматным этюдом в его жизни, где на кону стояло не звание победителя, а **собственное достоинство**.

Олег долго смотрел на закрытую дверь. В библиотеке повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем старинных настенных часов. Кофе, принесённый Дмитрием, источал густой аромат, но Олегу казалось, что он отравлен. Он не притронулся к стаканчику.

Предложение Волкова было ловушкой, изящной и подлой. Согласиться — значит предать самого себя, свою любовь к игре, свои принципы. Это всё равно что расписаться в собственной слабости, позволить этому напыщенному индюку и дальше править бал. Отказаться — значит вступить в открытую войну, исход которой был туманен. Дмитрий обладал властью и влиянием, а Олег... у Олега была только его голова и его честь.

Он просидел в библиотеке до поздней ночи. Он не готовился к контрольной. Он «играл» партию. Но не с Волковым. Он играл против страха, против отчаяния, против желания всё бросить и сбежать домой, в свой маленький город, где всё было просто и понятно. Он проигрывал в уме варианты: если он согласится, жизнь станет легче, но он перестанет себя уважать. Если откажется — придётся бороться.

К утру решение было принято. Он не будет играть по чужим правилам.

На следующий день в школьном актовом зале, переоборудованном под турнирный зал, собралось много народу. Турнир по блиц-шахматам был событием. За столами сидели лучшие игроки школы. Дмитрий Волков уже был там, окружённый своей свитой. Он выглядел абсолютно уверенным в себе, лениво перебирал фигуры и отпускал шуточки.

Когда объявили пару финалистов, по залу пробежал шепоток: **Смирнов против Волкова**. Дмитрий победно улыбнулся и занял место за белым столом. Олег сел напротив. Его лицо было спокойным, почти безмятежным.

— Ну что, Смирнов, готов к уроку? — громко, на весь зал, спросил Дмитрий, не скрывая насмешки.

Олег посмотрел ему прямо в глаза. В его взгляде не было ни страха, ни вызова — лишь холодное, расчётливое спокойствие.

— Я готов играть в шахматы, Волков. А ты?

Судья запустил часы. Партия началась.

С первых же ходов стало ясно: Олег не собирается сдаваться. Он играл агрессивно, нестандартно. Он не боялся рисковать. Дмитрий, ожидавший увидеть робкого мальчика, который будет делать «детские ошибки» по указке, растерялся. Его заготовленный сценарий рушился на глазах.

Олег жертвовал пешки, создавал хаос на доске, заставляя соперника думать на пределе возможностей. Это была не просто игра. Это был манифест. Каждый его ход кричал: *«Я не боюсь тебя. Я не боюсь твоих денег. Я здесь потому,*

что я лучший».

Дмитрий начал нервничать. Он делал ошибки. Одна за другой. Его красивое лицо исказилось от напряжения и злости. Зал замер. Все видели, как самоуверенный «король» школы терпит сокрушительное поражение.

На двадцать пятом ходу Олег объявил **шах и мат**. Молча. Без лишних слов.

В зале повисла гробовая тишина. Дмитрий сидел, уставившись на доску так, словно видел её впервые. Его лицо стало пунцовым — не от азарта игры, а от унижения.

Олег встал из-за стола. Он не стал торжествовать, не стал кричать «Я же говорил!». Он просто собрал свои вещи и направился к выходу.

У самой двери его окликнул голос Дмитрия, хриплый и полный ненависти:— Это ещё не конец, Смирнов!

Олег остановился на секунду, обернулся и спокойно ответил:— Это конец партии, Волков. А игра продолжается.

Выйдя из зала, Олег вдохнул полной грудью. Воздух на улице после душной атмосферы турнира казался невероятно свежим и чистым. Он не сломался. Он выстоял. И в этой маленькой победе над подлостью он почувствовал себя сильнее, чем во всех своих прошлых триумфах на олимпиадах и ледовых аренах. Теперь он знал: с «голубой кровью» можно бороться. И иногда для этого достаточно просто быть честным перед самим собой.

Победа в шахматном зале не закончилась рукопожатия-

ми и овациями. Для Олега она стала чем-то вроде невидимой брони. Он перестал вздрагивать от каждой насмешки, а в его походке появилась уверенность, которую раньше скрывала скромность. Но настоящая проверка на прочность ждала его там, где он всегда чувствовал себя как рыба в воде — на спортивной площадке.

В хоккейной команде после истории с автобусом к нему относились с прохладцей. Тренер, хоть и не обвинял Олега открыто, всё же держал его на скамейке запасных в двух следующих матчах. Это было мучительно — сидеть в тёплой раздевалке, слыша, как звенят коньки по льду, и понимать, что ты мог бы быть там, в гуще борьбы.

Всё изменилось в середине сезона. Основной нападающий команды получил травму на тренировке, и тренеру пришлось выпустить Олега. И тут все увидели другого Смирнова. На льду он был воплощением скорости и мысли. Он не просто носился за шайбой — он читал игру на два хода вперёд, как читал шахматные комбинации. Его пасы были хирургически точными, а броски — неотразимыми. В том матче он отдал две голевые передачи и забил сам, переломив ход проигранного матча. Команда победила.

С тех пор место Олега в основном составе больше не обсуждалось. Он стал мозговым центром атаки. Его звено называли «шахматным», потому что их комбинации были настолько слаженными и неожиданными, что соперники просто не успевали реагировать. К весне команда вышла в фи-

нал городского чемпионата. Олег был признан самым ценным игроком сезона.

Но если хоккей был для него стратегией и мощью, то **футбол** — это чистая страсть и импровизация. Здесь не было бортов, сдерживающих эмоции. Здесь была только трава, мяч и небо.

В футбольной секции «Астории» его сначала тоже встретили скептически. Богатые мальчишки в дорогих бутсах с недоверием смотрели на его старенькие, выдавшие виды кроссовки. Но на первой же двусторонней игре Олег заставил всех замолчать.

Он играл на позиции атакующего полузащитника, «десятки». У него было феноменальное видение поля. Казалось, у него глаза на затылке. Он раздавал такие пасы, что защитники соперника только разводили руками, провожая взглядом мяч, который точно находил ногу своего нападающего.

Его коронным приёмом стал удар с лёта. Он мог принять сложный верховой мяч грудью или бедром и, не давая ему опуститься на землю, с разворота отправить его в девятку ворот. Болельщики (а на матчи школьной команды приходили и родители, и даже скауты) ахали от восторга.

К концу года Олег Смирнов стал настоящей звездой школы «Астория». Но это была уже другая слава. Его уважали не за фамилию или счёт в банке родителей. Его уважали за талант, за трудолюбие на тренировках и за несгибаемый характер.

Дмитрий Волков всё ещё бросал на него злые взгляды в коридорах, но его пакости уже не имели той силы. Попытка подставить Олега перед важным матчем (кто-то «случайно» запер его форму в кладовке) провалилась — Олег вышел на игру в запасной форме и всё равно забил решающий гол.

Олег понял важную вещь: в мире «голубой крови» можно выжить и даже стать лучшим, если у тебя есть то, чего не купишь за деньги — **внутренний стержень**. И пока его ноги помнили лёд хоккейной коробки, а сердце стучало в такт ударам футбольного мяча, никакая элита не могла его сломить. Он был чемпионом по праву таланта, а не по праву рождения.

К старшим классам стало очевидно: школа «Астория» давала не только блестящее гуманитарное и спортивное образование, но и открывала двери в будущее, о котором в его родном городе даже не мечтали. Именно здесь, в оснащённых по последнему слову техники компьютерных классах, Олег открыл для себя новую вселенную — **программирование**.

Для человека, привыкшего мыслить логически и видеть структуру в хаосе, код стал идеальным полем для самовыражения. Если шахматы были для него тактикой, а спорт — стратегией и волей, то программирование оказалось чистым творчеством. Он мог создать порядок из ничего, заставить бездушную машину выполнять самые сложные задачи, подчиняя её своей воле.

Его учителем стал **Игорь Валерьевич** — пожилой, немного ворчливый программист старой закалки, который когда-то писал софт для космической отрасли. Он быстро заметил в Олеге тот самый «алгоритмический склад ума». — У тебя мозг работает как компилятор, Смирнов, — говорил он, глядя, как Олег пишет код. — Ты не пишешь, ты сразу видишь готовую архитектуру. Это дар.

Олег поглощал языки программирования один за другим. Сначала был **Python** — за его элегантность и простоту. Затем **C++** — за его мощь и контроль над «железом». Он писал скрипты для автоматизации рутинных задач, создавал простые игры, а потом увлёкся анализом данных. Его школьные проекты перестали быть просто домашними заданиями. Он разработал программу, которая анализировала статистику хоккейных матчей и предсказывала вероятность гола на основе положения игроков на поле. Тренер команды был в восторге.

Дмитрий Волков, к тому моменту окончательно ушедший в тень, пытался было конкурировать и здесь, хвастаясь тем, что его отец нанял ему репетитора из Силиконовой долины. Но его проекты были поверхностными, собранными из готовых блоков-конструктора. В работах Олега чувствовалась душа и глубина мысли.

К выпускному классу Олег уже не просто учился — он **создавал**. Его финальный проект для школьной конференции стал сенсацией. Он написал нейросеть, способную распозна-

вать и классифицировать шахматные дебюты по нескольким первым ходам. Программа могла анализировать партии великих гроссмейстеров и предлагать оптимальные варианты развития событий.

На защите проекта присутствовал представитель крупной IT-компании, который случайно оказался в зале. После выступления он подошёл к бледному от волнения Олегу. — Парень, это уровень не школьного кружка. Это уже профессиональная лига. У тебя есть планы на университет?

Олег улыбнулся. Планы были. Благодаря гранту и его новым достижениям, перед ним лежал весь мир. Лучшие технические вузы страны готовы были принять его без экзаменов.

Он стоял на пороге взрослой жизни, и за его плечами был не просто аттестат с отличием. У него был опыт борьбы с несправедливостью, закалённый характер спортсмена и уникальный дар программиста. Он знал, что мир больших денег и связей жесток, но теперь у него было главное оружие — **знание**. А знание, как и код, способно менять реальность.

Олег Смирнов покидал стены «Астории» не как чужак, которого терпели. Он уходил как **победитель**, который доказал всем и самому себе: чтобы изменить систему, не обязательно быть её частью. Иногда достаточно просто быть на голову выше неё.

Девятый класс в «Астории» — это уже не просто учёба, это **подготовка к будущему**. Именно в этом году решалось,

кто и куда будет поступать, какие связи заводить и на какую ступень социальной лестницы взобраться. Атмосфера в школе стала ещё более напряжённой, похожей на котёл, где кипят амбиции, сплетни и тихая, но жестокая борьба за место под солнцем.

Для Олега Смирнова девятый класс начался с привычного чувства лёгкой отстранённости, но теперь оно было другим. Он больше не был «новичком-олимпиадником», которого можно было задирать. Он был **Смирновым** — тем самым парнем, который унизил Волкова в шахматы, тащил хоккейную команду к финалу и чью программу по анализу данных показывали на всероссийской конференции. Его уважали. А уважение в мире «Астории» часто значило больше, чем дружба.

Учебная нагрузка выросла лавинообразно. Программирование из увлечения превратилось в серьёзный предмет с углублённым изучением алгоритмов и структур данных. Олег часами просиживал за кодом, создавая всё более сложные проекты. Его последняя разработка — симулятор экономических процессов для школьной биржи — вызвала фурор даже среди учителей экономики.

Но главным испытанием стала **подготовка к ОГЭ**. В «Астории» к государственным экзаменам относились как к генеральной репетиции перед главным спектаклем жизни. Давление было колоссальным. Репетиторы, дополнительные курсы, бессонные ночи над учебниками. Олегу, привыкше-

му всё схватывать на лету, пришлось выработать железную дисциплину, чтобы не упустить ни одной детали.

В хоккейной команде он стал **капитаном**. После того как прежний лидер окончил школу, тренер без колебаний передал повязку Олегу. Это была не просто формальность. На льду его слово было законом. Он умел не только забивать, но и мотивировать, разбирать ошибки и сплачивать команду. Под его руководством сборная «Астории» стала практически непобедимой.

Футбол отошёл на второй план, став способом выплеснуть эмоции. Но даже там Олег оставался лидером.

Дмитрий Волков всё ещё учился в школе, но их пути почти не пересекались. Он затаился, словно паук в углу паутины, и его пакости стали ещё более изощрёнными и незаметными. Он больше не портил вещи — он портил **отношения**. Шепот за спиной, анонимные комментарии в школьном чате, попытки поссорить Олега с ребятами из команды. Но после той открытой шахматной дуэли авторитет Олега был непрекаем. Попытки вбить клин проваливались.

Однажды, после особенно тяжёлой тренировки по хоккею, Олег сидел в раздевалке и растирал ушибленное плечо. В комнату зашёл Игорь Валерьевич, его учитель информатики. Он редко посещал спортзалы, предпочитая тишину компьютерного класса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.